

Стоящий перед глазами мужчина был высок, даже выше Жун Тяня, и был облачён в белоснежный халат, что завязывался голубым поясом на тонкой талии, которую желала бы иметь любая женщина. С такой утончённой фигурой мужчина выглядел ещё прекраснее, волнуя мысли людей.

Красиво-нейтральное лицо можно было описать как превосходное. Пусть Жун Тянь и считался красивым мужчиной, однако рядом с этим человеком мог лишь похвастаться непревзойдённым героическим духом и императорской мощью, что у него осталась. А вот что касалось красоты, то даже Фэн Мин был не в силах отрицать того факта, что Жун Тянь ни на волос не мог превзойти Лу Даня из Дунфань.

Что было ещё более невыносимым, так это превосходные и изящные манеры Лу Даня, а взгляд блестящих тёмных глаз тихо скользнул, оглядывая комнату, в которой внезапно воцарилась давящая, почти невыносимая тишина, поглотив недавно доносящийся смех.

Неудивительно, что Жун Тянь говорил: если бы Лу Дань являлся женщиной, то наверняка лишил бы Мэй Цзи звания Первой красавицы Поднебесной. Сам же Лу Дань, вероятно, привык к вниманию изумлённых людей и, находясь под оцепенелыми от удивления взглядами Фэн Мина и его слуг, непринуждённо улыбнулся, позволяя им внимательно рассмотреть свою персону. Спустя долгое время Фэн Мин, придя в себя, смущённо проговорил:

— Государственный советник приехал издалека, а я ещё не поприветствовал гостя. Скорее, прошу, присядьте. — Юноша, обернувшись, приказал Цю Юэ: — Ещё не поторопилась и не налила чай? — Отозвавшись, девушка, откровенно потрясённая, отвела взгляд и, незаметно высунув язык, удалилась.

— Князь Мин, еда уже... — тихо напомнила стоящая позади юноши Цю Лань.

Только сейчас Фэн Мин вспомнил, что обед уже готов, и, ударив себя по лбу, проговорил:

— Верно. — И, обратившись к Лу Даню, обнажил лёгкую улыбку: — Может ли государственный советник оказать нам честь и пообедать вместе с нами? — Находящийся перед глазами Лу Дань являлся небесным шедевром, созданным со всей душой, который вызывал чувство, будто одно лёгкое дуновение — и он тотчас же превратится в голубую дымку. Встретившись с такой поразительной красотой, даже он, Фэн Мин, начал говорить с осторожностью и крайне изысканными манерами.

Лу Дань слегка поклонился:

— Это огромная честь!

Цю Лань и близняшки уже приготовили всё надлежащим образом, и трое мужчин подошли к столу. В душе Фэн Мин по-прежнему был ошеломлён «истинным красавцем» Лу Данем и заметил, что совершенно не знает, что следует сказать этому мужчине, однако Жун Тянь,

сидящий на месте хозяина, поднял бокал, говоря:

— Этот бокал смывает пыль [1] с господина советника, Дунфань находится очень далеко от Силэй, и долгий путь на самом деле вымотал Вас. — Сегодня император Силэй, пребывая в крайне бодром состоянии духа, часто улыбался, это, конечно, не могло пройти мимо взгляда Фэн Мина, который подумал: «Сила красоты действительно потрясает».

Лу Дань тотчас же поднял ответный бокал, его слова звучали с изыском, а хорошие манеры проникали в душу, вызывая симпатию у Фэн Мина. После третьего бокала мужчины постепенно начали узнавать друг друга ближе, юноша уже не так стеснялся, как раньше, а так как трое мужчин являлись знатными государственными фигурами, то их лёгкий и непринуждённый разговор по неосторожности тотчас же возымел политический характер. Фэн Мин спросил:

— Сколько еды хочет взять у нас господин советник?

Лу Дань слегка задумался и ответил:

— Триста тысяч цзай. — Цзай являлась расчётной единицей, которой измеряли провиант во всех одиннадцати государствах.

Силэй, полагаясь на предоставленные Фэн Мином всевозможные научно-аграрные усовершенствованные способы, больше не сталкивался с бедствиями и по прошествии двух-трёх лет получил большой урожай. Неважно, из каких именно окрестностей был собран урожай, главное — во дворец отправили свыше двух миллионов цзай, поэтому триста тысяч цзай, что просило государство Дунфань, было совершенно незначительной цифрой. Испытывая огромную симпатию к Лу Даню, Фэн Мин уже хотел было что-то сказать, но, внезапно почувствовав, как под столом Жун Тянь тихо схватил его за руку, машинально закрыл рот и в недоумении обернулся в сторону мужчины.

Жун Тянь несколько не изменился в лице, поднял бокал в знак учтивости Лу Даню, запрокинул голову и, осушив его, неторопливо сказал:

— Боюсь, на этот раз господина советника придётся разочаровать.

Фэн Мин крайне изумился.

Зрачки красивых глаз слегка сжались, а сам советник в растерянности проговорил:

— Государь, это дело...

— Триста тысяч цзай слишком много, этот император ничем не может помочь, — блёкло перебил Жун Тянь мужчину и с лёгкой улыбкой продолжил: — Силэй густонаселён, и это

приемлемо — обеспечить себя едой. А что касается помощи, то Силэй, пожалуй, несколько неохотно её оказывает. — Краем глаза замечая, что Фэн Мин вновь открыл рот, желая что-то сказать, император Силэй опередил: — Господин советник приехал издалека, и этот император не может позволить, чтобы господин советник вернулся с пустыми руками. Как насчёт тридцати тысяч цзай? Этого вполне достаточно, чтобы позволить Дунфань пережить зиму.

Помолчав немного, Лу Дань с лёгким вздохом сказал:

— Тогда наш народ... — Он, замолчав, свёл брови к переносице и сжал тонкие алые губы, обнажая непревзойдённо-прекрасную скорбь, которая трогала сердце и на которую невыносимо было смотреть.

Жун Тянь также вздохнул, сказав:

— Если этот император откажется помочь, то поставит Силэй в неудобное положение. Господину советнику стоит немного успокоиться и насладиться несколькими днями, проведёнными во дворце. — Мужчина попутно поднял бокал в знак вежливости Лу Даню, и этот знак, к удивлению, означал приветствие гостя.

Лу Дань, увидев решительную позицию Жун Тяня, понял, что сейчас не следует вновь выдвигать прошения, и, не проронив ни слова, тоже запрокинул голову, обнажая прекрасную белую шею, и выпил содержимое бокала. Держась необычайно беззаботно, мужчина поднялся с места и, поклонившись, сказал:

— Лу Дань просит разрешения покинуть вас и премного благодарен за радушный приём. — Взгляд словно ртутного оттенка глаз мягко упал на Фэн Мина, а сам советник плавной походкой вышел из комнаты.

Юноша, вытянув шею, посмотрел вслед уходящему Лу Даню, а Жун Тянь со смехом сказал:

— Как я и говорил, это настоящий красавец? Ты всё время смотрел на него.

— Если бы не увидел собственными глазами, ни за что бы не поверил в существование такого красивого мужчины. — Фэн Мин дважды вздохнул с восхищением, после чего непонимающе спросил: — А почему ты не согласился одолжить ему зерна?

— А почему тебе, ни с того ни с сего, захотелось одолжить ему еды в триста тысяч цзай?

Фэн Мин прямо посмотрел на государя и пробурчал:

— Неужели тебе до этого не сообщили, что советник Дунфань едет издалека, чтобы взять займы еды?

— Сообщили.

— Тогда как ты ответил?

— Ответил, что договоримся.

Юноша смерил Жун Тяня взглядом и неодобрительно покачал головой:

— Ты, как государь, сначала дал обещание, что поможешь страждущему и перенёсшему тяжёлый путь человеку, а потом внезапно отказался от своих слов. Жун Тянь, так государь не поступает. — Выражение лица Фэн Мина стало строгим.

Мужчина рассмеялся:

— Этот император пообещал Дунфань дать займы еды? Вот только я сказал, что мы можем договориться, и всё. На самом деле нельзя сказать, что я нарушил слово. — Вытянув руки, мужчина крепко обхватил Фэн Мина, прижал к себе и, широко улыбаясь, спросил на ушко: — Государственные дела слишком скучны, давай поговорим о нечто более увлекательном?

Внимательный и заботливый князь Мин, по-прежнему переживая за столь очаровательного Лу Даня, заговорил сам с собой:

— Лу Дань наверняка крайне редко покидает дворец Дунфань, иначе его красота уже давно бы погрузила всю Поднебесную в хаос. Ты говорил, что он с императором Дунфань...

— Всё ещё нужны объяснения? Если император Дунфань, обладая непреклонной волей, охотно станет потакать его неземной красоте, то тогда может стать противником безжалостнее самого Жо Яня. — И Жун Тянь вновь спросил: — Теперь понятно, с какой целью я заставил тебя встретиться с Лу Данем?

— Разве не ты хотел научить меня изысканным манерам императорской семьи? Я скажу тебе так: конечно, Лу Дань обладает превосходными манерами, однако мне, князю Мину, выучить такое не под силу. Ты только глянь, как спокойно он поднимает взгляд, даже Жун Ху застыл от удивления. Если ты хочешь изменить меня и мои манеры, то лучше уж отправляйся к своей первой красавице Поднебесной, у неё, возможно, ещё остался потенциал. — И Фэн Мин косо посмотрел на Жун Тяня.

Мужчина с улыбкой усадил юношу к себе на бедро и, безжалостно укусив за шею, поцеловал:

— Ты, испивший уксус проказник. Я догадывался, что, увидев Лу Даня, ты станешь самоунижать себя. Но прежде ответь серьёзно: какое чувство вызвал у тебя Лу Дань?

— Быть таким красавчиком просто преступление: столкнувшись с его волнующей красотой, даже захочешь свою жизнь ему отдать, если он пожелает, к тому же никто не осмелится огорчить его. — Тут Фэн Мин пристально посмотрел на Жун Тяня, говоря: — Кроме тебя, который, неожиданно при полной казне, отказал занять зерна.

— Что ещё скажешь?

Услышав в тоне Жун Тяня не только насмешку, но и серьёзность, с которой обычно мужчина обсуждал государственные дела, Фэн Мин перестал нести чепуху и впал в глубокое раздумье:

— Красота Лу Даня, можно сказать, является своего рода смертельным оружием, в истории есть множество примеров, когда красивые люди ввергали страну и народ в пучину бедствий. А в нынешних одиннадцати государствах по большей части занимаются мужеложеством, и если Лу Дань применит свои навыки, чтобы сделать Дунфань могущественной страной, то, возможно, станет сильным противником для нашего Силэй.

Приблизив губы к ушку Фэн Мина, Жун Тянь хрипло засмеялся, вызывая сердечный зуд и искушая юношу:

— Однако Лу Дань, помимо императора Дунфань, испытывает отвращение к другим мужчинам. Не только иноподданные, но и слуги редко имеют честь видеть его. Говорят, что даже во дворце Дунфань его крайне редко можно встретить. На этот раз он сам вызвался отправиться с миссией в Силэй, что действительно является для нас огромной честью.

Фэн Мин с изумлением проговорил:

— Разве он не советник императора Дунфань? А что он сделал, отправившись во дворец к тебе на аудиенцию?

— Скрыл лицо. — Посмотрев на Фэн Мина, император Силэй продолжил: — Это решение оказалось неплохим. В будущем, встречаясь с чиновниками, тебе, может, тоже стоит закрывать своё лицо? Лучше, чтобы лишь мне было позволено видеть его.

— Хочешь, чтобы я задохнулся? — Фэн Мин недовольно ударил Жун Тяня локтём.

Подобную атаку, которая приносила сладость больше, чем боль, Жун Тянь, конечно же, принял, одной рукой мужчина крепко обнял Фэн Мина, не позволяя юноше ускользнуть, воспользовавшись удобным случаем, а второй рукой нескромно проник под одежду:

— Императорский советник — положение влиятельное, которое позволяет завладеть слишком огромной властью. Лу Дань не мог, опираясь лишь на обожание императора Дунфань, занять этот пост, должно быть, у него есть некоторые навыки. По-моему, Лу Дань в Дунфань имеет почти такое же преимущество, что и император, и такое же, как ты в Силэй.

От его прикосновений Фэн Мин задрожал всем телом и, с трудом схватив руку, которая ласкала его под одеждой, резко сказал:

— Если ты развяжешь мой пояс, тогда... сегодня ночью будет моя очередь быть сверху. — И вновь продолжил развивать ход мыслей Жун Тяня: — Если Лу Дань, вполне возможно, представляя собой Его Величество императора, получит отказ Силэй, то отношения между Силэй и Дунфань будут крайне затруднительными, и нам от этого пользы никакой. Я считаю, что, невзирая на все точки зрения, тебе следует согласиться и дать им зерна взаймы. Международные отношения... Ах, ты же не был на подобном занятии и знать не знаешь их основу, в любой день я найду время и помогу тебе освоить их, ах! — Стоило Жун Тяню коснуться низа живота, как тело юноши охватила дрожь, а сам Фэн Мин не смог сдержать крика.

Стоявшая за дверью Цай Цин поинтересовалась:

— У князя Мина есть какие-нибудь распоряжения? — Однако юноша не проронил ни слова, отчего девушка открыла дверь и вошла. Подняв занавеску и увидев, как покрасневший князь хочет вырваться из оков императора, она, только начинающая прислуживать князю и не привыкшая к развратным играм этой парочки, тотчас же испугалась. Но внезапно всё поняв, служанка, не издав и звука, украдкой улыбнулась и, торопливо опустив занавеску, вышла из комнаты.

— Убери руки!

Увидев, что Фэн Мин сердится и в то же время смущён, Жун Тяню ничего другого не оставалось, кроме как неохотно выпустить его из рук, и, подвергшись нескольким безжалостным укусам, мужчина сказал, терпя боль:

— Я сегодня в прекрасном настроении, потому-то немного повёл себя разнузданно. Не нужно злиться, сегодня ночью я позволю тебе большее.

Фэн Мину было так стыдно, что он весь зарделся и, скрежеща зубами, проговорил:

— Ты... ты, увидев меня, сразу же хочешь заняться подобными делишками?

— Угу, ведь я целыми днями, находясь с чиновниками, только и могу, что думать о государственной политике, лишь с тобой я могу немного расслабиться и подумать о прочих радостях людской жизни. — Жун Тянь полувозбуждённо, полущутя добавил: — Ты сказал, что Лу Дань достаточно красив, однако стоит мне его увидеть, как сразу же вспоминаю про триста тысяч цзай зерна и ещё про Дунфань.

Подвергшись дурачеству императора Силэй, Фэн Мин сменил гнев на милость и задал встречный вопрос:

— Каких «прочих радостях»?

— Князь Мин учил: нельзя раскрывать тайну до нужного момента, иначе это может навредить.

— Жун Тянь загадочно подмигнул, поднялся с места и, поправив свою одежду, приказал Цю Лань войти, чтобы помочь ему надеть императорскую корону. После чего он обратился к Фэн Мину, приказывая: — Я размещу Лу Даня в маленькой резиденции, что находится за дворцом наследного принца, там превосходный вид, да и тебе будет ближе. Тебе не лишним будет поговорить с ним, развеять тоску, но ни в коем случае не обещаю ему зерна взаймы. Если он спросит, то скажи ему, что это дело необходимо обсудить со мной. — Не дожидаясь, пока Фэн Мин спросит его о причинах, Жун Тянь мягко опустил голову ко лбу юноши и ласково сказал: — После обеда нужно будет встретиться с Тун Цзяньмином, ты послушно дождёшься меня, не стоит зря бегать. Придворный лекарь сказал, что твой жизненный дух ещё не восстановился и тело крайне истощённо. Та служанка останется рядом и тотчас же поднимет тебе настроение, только она осмелилась обворовать тебя, а значит, будь осторожен, она далеко не из пугливых, не нужно позволять ей в одиночку прислуживать тебе. — Отдав подробные наставления, император Силэй вышел из комнаты.

Жун Тянь фактически не покидал дворца наследного принца. С тех пор как он пообещал князю, император Силэй не только оставался во дворце наследного принца, но и даже освободил зал, чтобы обсуждать с чиновниками политические дела. Вот только Фэн Мина не интересовало всё это, обычно, что бы ни думал император Силэй, когда они были вдвоём, то ни о каком обсуждении политики и речи быть не могло. Для юноши участвовать в скучных политических обсуждениях и часами слушать седебородых стариков, которые говорили о строительстве какого-нибудь канала или о налогообложении, было страшнее ада.

А потому Фэн Мин не вынуждал себя следовать за Жун Тянем и появляться в зале заседания.

Одному оставаться было неинтересно, и юноша поначалу хотел отправиться поискать Лу Даня, чтобы поболтать с ним, однако вспомнив, что мужчине пришлось преодолеть огромный путь, чтобы добраться до Силэй, да и Жун Тянь только что отказал ему в просьбе, юноша передумал идти к нему.

Как раз вовремя на пороге появилась Цю Син, таща за руку свою близняшку, и взволнованно спросила:

— Князь Мин видел, какой подарок преподнёс господин советник из Дунфань? А именно: знаменитый дунфаньский шёлк. Князь Мин может немного пожаловать его своим служанкам?

На что Фэн Мин рассмеялся:

— Вы, Цю Лань и Цай Цин, можете взять столько, сколько надо, и сшить себе красивые наряды. Да, кстати, не нужно забывать про славного Жун Ху. Искусница Цю Юэ, ты сможешь Жун Ху сшить что-нибудь? — Однако, внезапно вспомнив, что Ле-эру нравился самобытный шёлк, облачившись в который тот напоминал фарфоровую куклу, а всё благодаря необычайно светлому оттенку кожи, Фэн Мин испытал небольшое сожаление и опечалился.

Цю Син же, не увидев этой перемены настроения, со смехом отозвалась:

— У нас очень много нарядов, а из этого шёлка мы хотели сшить короткие штанишки Цай Цяну.

— А-а, как я мог забыть про Цай Цяна? Идите возьмите и сшейте ему несколько вещей. — Заметив, что служанки уже развернулись и собираются уйти, юноша внезапно кое-что вспомнил и окликнул Цю Син: — Этот подарок Дунфань нельзя оставлять во дворце наследного принца, лучше помогите мне вынести и отнести его к матушке императора.

Стоящая в стороне Цю Лань вставила слово:

— Они сейчас хотят поиграть с Цай Цяном, как они могут отправиться к Её Величеству? Всё же Ваша служанка может пойти к ней.

Как только девушки разошлись по своим делам, Фэн Мин успокоился. Зная, что Жун Тянь обсуждает политические дела и совершенно не следит за временем, юноша сам отправился в библиотеку и, выбрав географию Силэй, стал читать. Однако вскоре почувствовал, что ему становится скучно, и, с зевотой убрав свиток в сторону, он пробормотал:

— Учебники должны быть интересными, только тогда их можно будет читать. Может, стоит преобразовать систему образования Силэй? — Заложив руки за спину, юноша обвёл взглядом доверху нагромождённые свитки и со вздохом сказал: — Жун Тяню приходилось равняться на все эти вещи и ещё учить их наизусть. Да, быть государем действительно не просто. — С тоской сделав два круга по комнате, Фэн Мин вновь заговорил сам с собой: — Я говорю, что являюсь князем Мином, и по крайней мере тоже должен перенять половину знаний, что и Жун Тянь. Иначе как я ему смогу помочь? — Громко вздохнув, юноша неохотно поднял свиток.

Опираясь на скамью, Фэн Мин перевернул несколько листов и, даже не запомнив топографическую карту, почувствовал вялость, медленно закрыл глаза и постепенно заснул.

Неизвестно сколько проспав, юноша спросонок, потирая глаза, позвал:

— Цю Лань, я пить хочу.

Тут появился тонкий силуэт, который, приподняв занавеску, вошёл в комнату и аккуратно подал Фэн Мину горячий чай. Юноша полусонно взял его и выпил, после чего поднял взгляд и со смехом сказал:

— Почему ты здесь, а где они?

Цай Цин, похоже, ещё не привыкла к столь близкому отношению со стороны Фэн Мина, и после того, как поклонилась, следуя правилам, вытянула руки в знак уважения и отошла в

сторону. И только потом тихо ответила:

— Цю Син и Цю Юэ снимают мерку, сказали, что это нужно для будущих нарядов Цай Цяна. А Цю Лань отправилась к матери императора. Разве князь Мин не хотел, чтобы именно она отправилась к Её Величеству?

Как только слова прозвучали, шторка, усыпанная жемчугом, вновь закачалась, и в комнату вошла Цю Лань с понурой головой и, придерживаясь тактичности, сказала Фэн Мину:

— Вещи уже у вдовствующей императрицы. — Голос девушки был немного хриплым, словно Цю Лань совсем недавно плакала.

Фэн Мин странно посмотрел на девушку, замечая, что её глаза действительно были красными, и обычным тоном поинтересовался:

— Матери-императрице не понравилось?

— Нет, мать-императрица очень обрадовалась, пожаловав Вашей служанке два украшения.

— Тогда почему ты плакала?

Цю Лань, сжав губы, не проронила ни слова, подвергшись расспросам князя, девушка с обидой подбежала ближе. Закрывая полные слёз глаза, служанка неожиданно рухнула на колени и расплакалась:

— Ваша служанка не хочет служить мишенью для издевательств, но и не подстрекает князя Мина. Если князь Мин хочет спросить, то пусть позовёт сюда Жун Ху, ему всё известно. Князь Мин, посмотрите на это. — Вытянув руки, девушка подняла рукава платья. На запястьях красовались ярко-алые и жуткие отметины.

Фэн Мин с криком подскочил:

— Позовите Жун Ху, это уже ни в какие ворота не лезет! Кто здесь такой смелый нашёлся?

Примечания:

[1] Обр. в знач.: устроить угощение в честь приехавшего из далёких краёв гостя.

<http://bllate.org/book/13377/1190118>